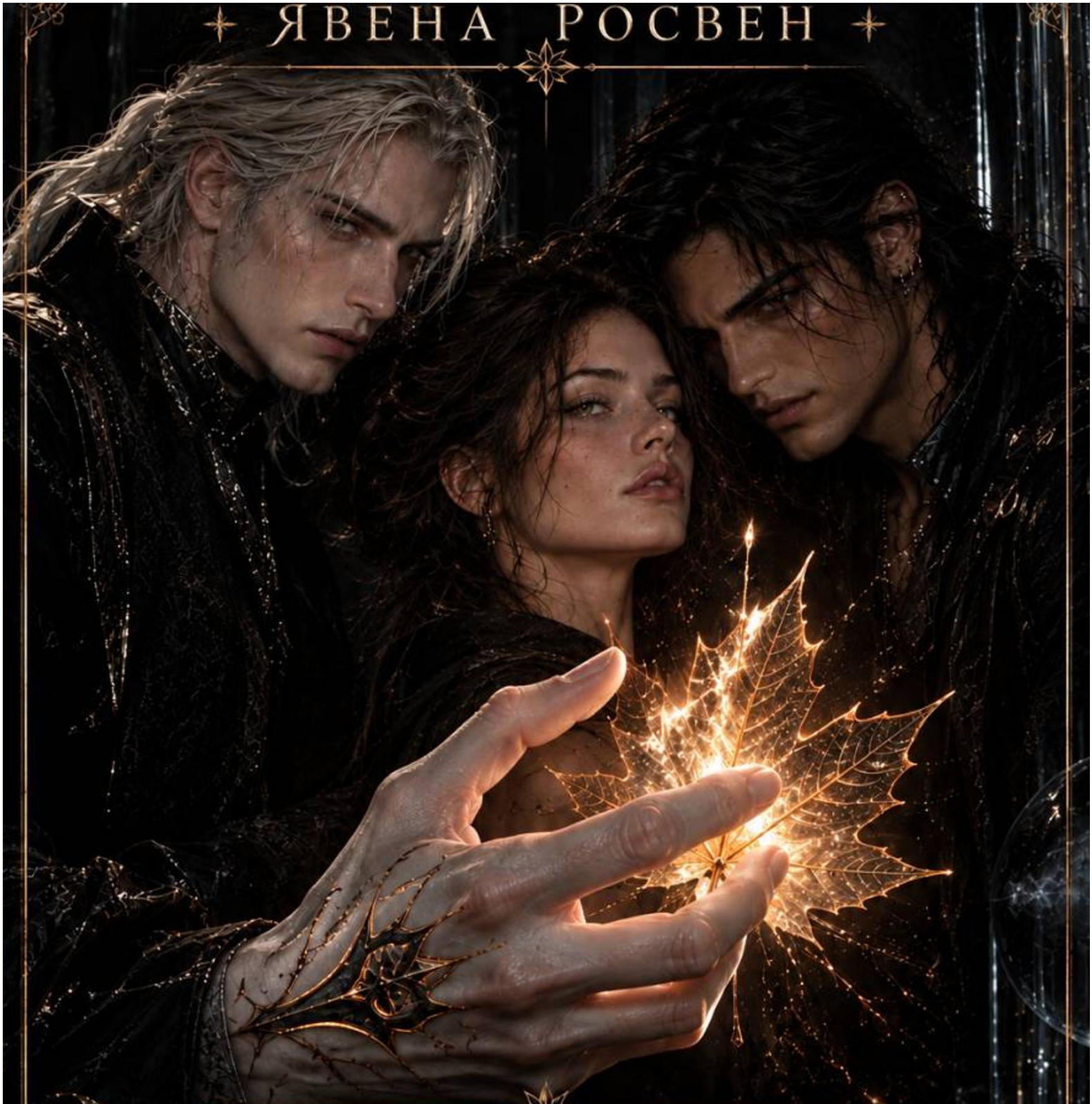
Явена Росвен

Herbarium Viventium

Инструкция к переменной

ЯВЕНА РОСВЕН

HERBARIUM VIVENTIUM
Инструкция к переменной

«Автор»
2026

РОСВЕН Я.

HERBARIUM VIVENTIUM Инструкция к переменной / Я. РОСВЕН — «Автор», 2026

Говорят, у Смотрителя вместо сердца — кусок обсидиана. Это не так. Там — пустота, которую должна заполнить я.Я — Аглая. Бухгалтер из мира без магии. Я провалилась в его ледяной Сад не для того, чтобы спасать мир. Я пришла, потому что у меня закончились слезы.Он считает меня «переменной», ошибкой в коде мироздания. Он прячет меня в замке и злится, когда я жарю картошку вместо изучения заклинаний. Но его идеальный Сад дышит только тогда, когда я рядом.Проблема в том, что у Лорда есть конкурент. Его темный друг, сотканный из первобытной тьмы. Это он научил меня смеяться над страхом. И он готов уничтожить саму ткань реальности, чтобы забрать меня себе.«Инструкция к переменной» — это уютное романтическое фэнтези, где: Героиня с формами не стесняется требовать борщ и любовь. Герой — гениальный тиран, который учится чувствовать. Магия переплетается с бухгалтерией, а лед тает от запаха корицы.Осторожно: вызывает привыкание и желание завести говорящего енота.

© РОСВЕН Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 6

ЯВЕНА РОСВЕН
HERBARIUM VIVENTIUM
Инструкция к переменной

Глава 1

Почему у многих обновление ассоциируется с весной, с её суетливым, зеленым и шумным обещанием жизни? Мне всегда казалось, что весна — это лишь громкий аванс, который природа берет у самой себя. Настоящее, честное обновление приходит осенью. Только осенью деревья сбрасывают с себя всё лишнее, самую свою суть — листву, — обнажая графичную, беззащитную и удивительно честную архитектуру ветвей. Они не умирают. Они просто выдыхают, сбрасывают тяжесть, чтобы выстоять под ледяным ветром. Мне тридцать пять, и я чувствую себя таким вот старым кленом в начале октября. Пора сбрасывать лишнее.

Наш дом на окраине города пахнет именно так, как должен пахнуть дом в середине осени — влажной, остывающей землей, которую отец перекапывает под зиму, прелыми листьями из огромного сада и антоновкой. Этот яблочный дух стоит плотной, кисло-сладкой стеной, он въелся в старые обои, в шерстяные пледы, в мою кожу. Я сижу на широком подоконнике в своей комнате, поджав под себя босые ноги. Стекло холодное, но от чугунной батареи под ним идет такое густое, обволакивающее тепло, что по спине бегут мурашки. За окном горит одинокий фонарь. Его желтый свет вязнет в мелком, сеющемся с обеда дожде, превращая капли на стекле в дрожащие, расплывчатые галактики. Скрипит половица в коридоре — это мама, стараясь не шуметь, несет отцу в кабинет чай. Сквозняк из-под старой входной двери лениво шевелит край тяжелой бархатной шторы. Всё на своих местах. Всё дышит таким глубоким, вековым покоем, что от этого покоя иногда хочется выть.

Моя пухленькая фигура — это не враг, с которым я веду изнурительную войну. Это часть той же самой архитектуры. Мои плечи мягкие, округлые, в них хочется уткнуться носом, как в подушку. Кожа на руках очень светлая, почти фарфоровая, и сквозь неё просвечивают тонкие синеватые ниточки вен. Длинные, тяжелые темные волосы я сегодня не стала собирать, и они лежат по спине влажным, прохладным плащом. Я провожу по ним пальцами, и они струятся, как шелк. Зеленые глаза в тусклом свете комнаты кажутся почти черными, глубокими. Я смотрю на свое отражение в темном стекле и не вижу там изъянов. Я вижу женщину, которая слишком долго стояла на паузе.

Тихая боль не звенит в ушах. Она живет в мелочах, в едва уловимых микропаузах. Я никогда не пью растворимый кофе. Вообще никакой. Мы пили его по утрам на его крошечной кухне, и запах пережаренных зерен теперь вызывает у меня физическую тошноту, поэтому по утрам я завариваю только терпкий, обжигающий листовой чай с чабрецом. Я не смотрю старые ситкомы, которые мы включали фоном, потому что там, в закадровом смехе, до сих пор прячется его улыбка. Я ложусь спать, обнимая вторую подушку — большую, плоскую, в наволочке из грубого льна — не от тоски, а по привычке, чтобы занять пространство. Моя левая сторона кровати — это священная, неприкосновенная территория, музей одного человека. В плейлисте телефона есть серая зона — около двадцати треков. Я пролистываю их мгновенно, даже не вслушиваясь в первые аккорды. Мышечная память пальцев срабатывает быстрее, чем сознание успевает подать сигнал бедствия. Это не рана. Это просто фантомная конечность, которой больше нет, но она всё еще чешется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.